

Лица Селебрити

**Я знаю –
ТЫ ВСПОМНИШЬ! – 2**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

Селебрити Л.

С29 Я знаю – ты вспомнишь! – 2 / Лика Селебрити. – М.: Литнет, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-521-94126-1

Анжелика – красивая девушка, блестящий кардиохирург. Максим – харизматичный, успешный бизнесмен. Случайная встреча и между ними, мгновенно, вспыхивает страсть – любовь с первого взгляда, непреодолимая химия. Их чувства развиваются стремительно и, свадьба кажется неизбежной. Но в самый счастливый момент, судьба наносит жестокий удар! Анжелика оказывается перед мучительным выбором: смириться и отпустить прошлое или бороться за их чувства! Сможет ли она пробудить воспоминания Максима? Или их история, навсегда, останется лишь отголоском забытого счастья?,

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94126-1

© Литнет, 2026

© Селебрити Л., 2026

Глава 1

Анжелика

– Тётя Ангел, привет! – звонко крича, ко мне в кабинет забежала Марика.

Я встала с места и поймала эту егозу на руки. Расцеловала её, румяные от морозного декабрьского воздуха, щёчки.

– Приветик, Шоколадка! Как твои делишки? – спросила, снимая с неё зимнюю одежду и растирая прохладные ручки.

– У меня всё хорошо! А ты когда к нам в гости с Максимом придёшь? – с детской непосредственностью задала интересующий её вопрос Марика.

При упоминании имени её дяди во мне всё перевернулось, заставив руки задрожать, а сердце – замереть, будто пытаюсь не пустить эти воспоминания дальше в голову. Но я и так ничего не могла вытравить из себя. Я просыпалась и засыпала с мыслями о синих, цвета ночного неба, глазах, волнистых волосах, улыбке, при которой вся моя душа замирала от счастья. Максим приходил ко мне во снах каждую ночь. Протягивая свою сильную руку, звал, но стоило мне приблизиться к нему, как он растворялся, оставляя после себя горечь и следы слез на подушке.

Прошло уже четыре месяца после того трагического случая на сцене конференц-зала дворца «Космонавтов», который разделил наши жизни на «до» и «после». Я так и осталась в том прошлом отрезке времени, где была счастлива и любима, где строила радужные планы и мечтала о безоблачном будущем. Но, по воле чьей-то прихоти, или злого рока, я осталась наедине со своей болью, плачем израненного сердца.

Максим пробыл у нас в клинике три недели, но за это время вспомнил только своих близких людей – Константина Максимовича,

Ирину Сергеевну, Киру с Марикой. Даже Бес пока для него был за гранью узнавания. Память Максима будто возвращалась из самих истоков: он вспоминал ничем не примечательные моменты из своего детства, юности, а вот взрослая жизнь пока ускользала от него, играла в прятки. Его родные, когда узнали, что Максим не помнит меня, постоянно были рядом, поддерживали, успокаивали, уверяли, что через несколько дней он все вспомнит. Но, увы, этого не происходило. И к тому же, Александр Фомич стал настаивать на переводе Максима в его клинику, аргументируя свою спешку тем, что чем скорее начнет его обследовать, тем быстрее поймёт, какова причина амнезии и назначит лечение.

Я несколько раз разговаривала с Захаром, но он, в принципе, не видел ничего странного в действиях столичного нейрохирурга.

— Анжелика, я не могу оспаривать его слова, так как он более опытный специалист и изучал, как я понял, конкретно все виды амнезий, причины их развития и методы реабилитации. Я понимаю, что ты боишься и переживаешь, но причин не доверять не вижу. — успокаивал Захар, ободряюще улыбаясь.

Вот только подозрительность и неприязнь к господину Краснову у меня, с каждым днём, росли в геометрической прогрессии, как и недоверие. Я не понимала себя, но и не прислушиваться к своей интуиции уже не могла. Попросила папу Мишу навести справки на Александра Фомича, но кроме той информации, что уже слышали от него, ничего выявить не удалось. Да и репутация у него была почти идеальной.

Мама Максима и Кира уговаривали меня поехать с ними в Москву, жить у них в доме, чтобы быть ближе к Максиму, но я колебалась. Во-первых, помнила настоятельные рекомендации нейрохирурга не беречь память насильно, а во-вторых, ко мне была запись на несколько операций. Отказать людям, ждущим своей очереди, из-за своего положения, я не могла.

Поэтому, уже через неделю, в дождливое осеннее утро, я с Кариной и папой Мишей провожала семью Верновых, давая им улететь

в Москву без меня. Все то время, что Максим пробыл в клинике, я никогда не оставалась с ним наедине. Даже когда папа Миша попросил проконсультировать по УЗИ сердца, я в палату вместе с собой затащила и Карину. Выше моих сил было смотреть на любимое лицо и понимать, что в глазах нет искорки узнавания. Это рвало моё сердце на части!

Когда все стали прощаться перед посадкой, я стояла в стороне от всех и члены семьи Верновых, по очереди, подходили ко мне. Мы говорили друг другу прощальные слова и крепко обнимались. Я, уже по привычке, держала на руках Марику. В тот момент, когда Кира, поцеловав меня, протянула руки, чтобы забрать девочку, я затылком почувствовала волну от взгляда, заставившую всё моё тело покрыться мурашками. Такое со мной происходило только тогда, когда на меня смотрел Максим! Растерянный взгляд Киры подтвердил мои мысли.

– «Он у тебя за спиной!» – прошептала она мне губами и уже обращаясь к брату, громко воскликнула:

– Макс! Ты решил мне помочь и сам понесёшь Марику?

Я закрыла глаза и, на миг, стиснув Шоколадку в объятиях, сразу передала её в руки подошедшего парня и, пробормотав:

– Извините, я кое-что забыла сказать Ирине Сергеевне. – почти побежала в прочь.

Ноги заплетались, пытаясь развернуть меня обратно, но я, упорно, шагала всё дальше от Максима. Услышать вежливое шаблонное прощание от него я сейчас просто не могла! Мне, до боли в руках, хотелось притянуть его к себе, вплести пальцы в волнистые каштановые пряди, которые сильно отросли и сейчас, кольцами, спадали на лоб, поцеловать чётко вылепленные губы! Вот о чём я грезила! А равнодушие меня бы только в очередной раз полоснуло острым лезвием, оставив в душе очередной шрам! Нет, бежать от него, бежать! Остановившись возле родителей Максима, я ещё раз поцеловала их и, сославшись на головную боль, быстрым шагом пошла

к выходу из здания аэропорта. Уже у дверей я, не выдержав, обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Максима и наткнулась на его задумчивый взгляд, направленный прямо на меня. Я замерла, точно зверушка в свете фар! Грудь словно обожгло кипятком, и я судорожно вдохнула! Почувствовав, что слёзы подбираются к глазам, поспешно отвернулась и выскочила на улицу. Сделав несколько шагов в сторону от дверей, я привалилась спиной к стене здания и поднеся костяшку пальца ко рту, прикусила, заглушая всхлипы. Как же тяжело! Как мучительно так прощаться, не зная, вспомнит он меня или нет! Не имея возможности выразить напрямую свои чувства! Солёные ручейки бежали по щекам, но я даже не вытирала их, сохраняя в памяти мгновения нашей встречи взглядами.

Глава 2

Услышав своё имя, я торопливо достала из сумочки салфетки и быстро вытерла мокрое лицо. Отойдя от стены, я помахала рукой Карине, которая, встревоженно, оглядывалась по сторонам.

– Вот ты где! Я уже волноваться начала, не увидев тебя со всеми! – она взяла мои руки и вгляделась в лицо.

– Мой лимит выдержки себя исчерпал. – вымученно улыбнулась я подруге.

– Могла бы не ехать сюда. Все бы тебя поняли. Зачем себя истязать? – нахмурила лоб Карина.

– Ты ведь знаешь, Мусь, мне нужно было хоть так, но побыть ещё немного рядом с ним. – ответила я, поглаживая её пальцы.

Карина очень сильно переживала эту ситуацию. Она даже не смогла вести Максима по психологической реабилитации. Сказала, что очень много знает о наших отношениях, чтобы быть беспристрастной. Как я не давила на её профессиональный долг, уговорить не удалось.

– Ты пойми: я смотрю на него и вижу вас двоих вместе в то время, когда вы были в Москве – счастливые, влюблённые, окрылённые! И как, по-твоему, я должна говорить, что у него все будет отлично?! Я не могу обманывать, Ликунь! И не буду этого делать, даже если сейчас ложь будет во благо! – чётко пояснила мне Карина в первые же дни после того, как Максим пришёл в себя.

В итоге для него наняли другого психолога, у которого я не могла поинтересоваться о результатах терапии. Я несколько не злилась на Карину, даже была восхищена её преданностью мне. Она понимала и поддерживала, даже если это шло вразрез с её профессиональными принципами.

Как будто это было вчера, помнила день, когда Максим пришёл в себя и не узнал меня. Именно Карина нашла меня возле двери его палаты, лежащую возле стены, сжавшись в маленький жалкий

комочек, уливавшуюся слезами. Она молча, прилагая усилия, подняла меня на ноги, которые были слабыми и грозились вот-вот подломиться, снова уронив моё тело на пол клиники. Обняв за талию, почти доволокла на себе до кабинета папы Миши. Я была в такой полной прострации от боли и шока, что не сопротивлялась, когда в меня вливали успокоительные препараты. Недавно перенесённый стресс, от которого я ещё не восстановилась, дал о себе знать и я снова потеряла сознание.

Неделю после этого я провела дома под домашним арестом Ирины Сергеевны. Она, как сиделка, почти всё время проводила у меня дома, лишь на пару-тройку часов уезжая к Максиму. Готовила для меня вкусняшки, по минутам давала успокоительные и укрепляющие лекарства, развлекала меня. Даже находясь в своём коконе из переживаний и разрывающих мою душу воспоминаний, я не могла не оценить всю её заботу. Но и молчать тоже не могла. Поэтому, в один из вечеров, когда мы поужинали, я завела разговор.

— Ирина Сергеевна, я Вам бесконечно благодарна за заботу, но думаю, что это лишнее. — комкая ладонями ткань домашних штанов, проговорила я.

— Ты о чём это, Анжелика? — недоуменно сведя, идеально оформленные, брови, спросила мама Максима.

Накатившая слабость заставила меня откинуться на спинку кресла и на несколько секунд прикрыть глаза.

— Я тоже ведь медик. И немного разбираюсь в нейрохирургии, понимаю, что вероятность того, что Максим меня не вспомнит — практически девяносто процентов. Он встретит другую девушку и у Вас будет новая сноха.

Едва произнесла эти слова, как нарисованная картина с такой силой ударила в грудь, что заставила меня задохнуться и согнуться, обхватив себя руками! Сердце зачастило от возмущения, колотясь о ребра, грозясь сломать их! В тот же миг, перед глазами, возникла рука Ирины Сергеевны, держащая стакан с водой. Выбивая зубами

дробь об стекло, я с жадностью выпила всё до капли и только потом обессиленно откинулась назад. По щекам потекли беззвучные горькие слёзы. В последнее время они были моими неизменными спутниками.

Ирина Сергеевна, осторожно подвинув меня, присела рядом в кресле и обняв за плечи, притянула к своей груди. Рядом с ней мне, как ни странно, было спокойно.

– Вот ты что себе напридумывала, девочка моя?! Да, у вас сейчас очень сложный период, но ты должна верить в ваши чувства! Поверь мне, я знаю, что для моего сына ты очень много значишь! Рядом с тобой он живёт полной жизнью! Неужели он спас тебя для того, чтобы потерять?! – втолковывала она мне, глядя по голове.

– Но нейрохирург категорически запретил давить на память! Сказал, что это только принесёт вред! А находиться рядом с Максимом и видеть, что он не узнаёт меня – это очень больно! – делилась я своими ощущениями с Ириной Сергеевной.

Она поцеловала меня в висок, встала, чтобы налить ещё воды в стакан и снова крепко обняла меня, присев рядом. Некоторое время в кухне царила полнейшая тишина, наступали сумерки и в такой полутемноте моя боль тоже как будто смазывалась, обретала неясные очертания и отпускала моё сознание, нехотя, но верно, сдавая позиции. Ни я, ни Ирина Сергеевна не тянулись к выключателю и, постепенно, в свете уличного фонаря стало видно, что за окнами пошёл первый снег. Снежинки под порывами ветра кружились в каком-то неистовом хороводе, а потом, когда он стихал, медленно оседали на землю и таяли на тёмном асфальте. Они напомнили мне мои мысли, которые также от спокойных переходили к паническим и снова успокаивались. Я нервно хихикнула и быстро поднесла к губам стакан с водой, пресекая грозившую вновь появиться истерику. Хватит! Нужно прекращать упиваться своими переживаниями и собирать себя в единое целое! Я поймала себя на том, что веду себя так, как будто Максима уже никогда не будет в моей жизни.

Где-то в подсознании я позволила таким мыслям увести меня по этой ложной дорожке. Но нужно возвращаться и до последнего бороться за НАС, не забирать шанс на одно будущее на двоих! Да, эта трагедия разделила нас внешне, но в душе я до сих пор чувствовала тоненькую, почти незримую, но, всё же, целую ниточку, соединяющую меня и Максима. Поэтому нужно бороться за своё счастье, а не опускать руки, как я собиралась сделать, отпустив Максима.